

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ в России XVIII в.

А. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

В статье на основании мемуаров рассматривается обучение детей духовного сословия в России XVIII в. Из 100 мемуаров, проанализированных нами, только в шести имеются сведения об этом обучении: мемуарах митрополита Платона, надворного советника И. Г. Григорьева, губернского прокурора Г. И. Добрынина, поэта и переводчика И. И. Мартынова, сенатора Ф. П. Лубяновского и профессора Санкт-Петербургского университета Я. В. Толмачева. Дается краткая биографическая справка каждому из перечисленных авторов. Все они выросли в семьях священников или дьячков центральной России и Украины. Как правило, начальные знания дети получали от отцов или других родственников, а затем отдавались на обучение в духовные школы.

Примечательно, что пять из шести авторов воспоминаний продолжили свое обучение в семинариях, коллегииуме, Славяно-греко-латинской академии, Московском университете и информация об этом обучении ярко отражает сложные условия, в которых им приходилось овладевать знаниями. Описывается процесс, условия и методы обучения в Славяно-греко-латинской академии, Полтавской семинарии и Харьковском коллегииуме.

Использование мемуаров позволяет увидеть процесс обучения глазами учеников, специфику получения начальных знаний в домашних условиях и последующего обучения детей в духовных школах. Кратко анализируется состав предметов, условия и методы обучения, отразившиеся на страницах воспоминаний.

Реформы Петра I, заложившие основы организации сети школ для обучения детей духовенства под контролем государства и провозгласившие обязательность обучения детей духовного сословия в этих школах, способствовали тому, что в России увеличился слой образованных священнослужителей. Школам духовного ведомства, открытым в XVIII в., посвящено немало работ, наиболее основательными среди них являются труды И. А. Чистовича, М. Ф. Владимирского-Буданова, П. В. Знаменского, С. Миропольского, написанные еще в XIX столетии и не утратившие своей ценности и сегодня¹. Нам хотелось бы рассмотреть один из важных источников изучения истории образования детей духовного сословия в XVIII в. — мемуары, написанные выходцами из этой сословной группы.

¹ См.: *Чистович И. А.* История С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1857; *Федоровский Д.* Очерк истории Харьковского духовного коллегииума // Духовная беседа. 1863. Т. XVIII; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. СПб., 1874; *Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881; *Миропольский С.* Очерк истории церковноприходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1–3. СПб., 1894–1895.

Приходится констатировать, что из выявленного нами круга воспоминаний — около 100 мемуаров, большинство из которых было написано уже в начале XIX в. — лишь в шести имеются подобные сведения. Это воспоминания лиц, родившихся в семьях сельских священников или церковнослужителей, получивших начальное обучение в семье, а затем отданных в средние или высшие учебные заведения, — митрополита Московского Платона (Левшина); надворного советника И. Г. Григорьева; губернского прокурора в Витебске Г. И. Добрынина; поэта и переводчика, дослужившегося до должности директора департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартынова; сенатора, пензенского губернатора Ф. П. Лубяновского; профессора Санкт-Петербургского университета Я. В. Толмачева, т. е. людей, достигших определенных успехов на своем жизненном пути.

Московский митрополит *Платон* (в миру Петр Георгиевич Левшин, 1737—1812) родился в селе Чашниково Московской губернии в семье причетника отца Георгия. Автобиография митрополита изложена в двух рукописях, хранящихся в Троице-Сергиевой лавре. Рукописи были переданы в Лавру в 1834 г. митрополитом Филаретом, который получил их от костромского епископа Павла. В 1849 г. Автобиография была напечатана на страницах журнала «Москвитянин» М. П. Погодиным, но не вся, а лишь частично — до 1799 г. В полном варианте она появилась в печати в 1856 г. во втором издании жизнеописания Платона, написанного И. М. Снегиревым. Ее отдельное издание под названием «Автобиография Платона, митрополита Московского» (далее — «Автобиография») вышло в 1887 г. с предисловием и примечаниями известного церковного историка протоиерея С. К. Смирнова.

В «Автобиографии», написанной от третьего лица, не уточняется, кто обучил митрополита грамоте, возможно, это был его отец: «На шестом году от рождения начали Петра обучать грамоте: азбуке, Часослову и Псалтыри, а потом писать, каков общий был тогда обучения порядок для всех всякого состояния отроков. Петр был весьма понятен: и удобно, и скоро все изучивал. И хотя иногда к отроческим играм и резвостям был несколько склонен и от учения за тем в некоторые часы удалялся; но за то от отца был наказыван, с большею, может быть, строгостею, нежели бы в возрасте лет и живость младенческого свойства дозволяли»². Через два года Петр не только читал и писал, но и пел один, без помощи, церковные стихи на литургии. В 1747 г. в возрасте 10 лет Петр вместе с младшим братом Александром был зачислен в Славяно-латинскую академию в Москве. Жили Петр и Александр у брата — дьякона Тимофея при церкви Софии Премудрости Божией.

Славяно-латинская академия была первым в России высшим учебным заведением, учрежденным в 1687 г. по инициативе выдающегося педагога и просветителя Симеона Полоцкого. В академии учились не только дети аристократии, государственных и церковных чиновников, но и торговцев, крестьян. Обучение было разделено на 8 классов или, как в то время говорили, на 8 «школ», которые включали в себя 4 низших класса — «фара», «инфирма», «грамматика», «син-

² Автобиография Платона, митрополита Московского. М., 1887. С. 7.

таксима»; два средних — «пиитика» и «риторика»; два высших — «философия» и «богословие».

В Академии братья Левшины изучали латинский язык, пиитику, риторику, философию и богословие. Судя по информации, приведенной в «Автобиографии», будущий митрополит имел большие способности к обучению. За две недели Петр выучился читать и писать по-латыни и был переведен в «фару» — низший грамматический класс; через год — в класс грамматики, затем — в высший грамматический класс; еще через год — в класс пиитики; в классах риторики и богословия он учился по два года. Наряду со способностями, Петр обладал и большой силой воли, стремлением и умением самостоятельно овладевать знаниями. Как отмечает автор, географии и истории он обучился сам по книгам. Затруднение вызвало у Петра обучение греческому языку: учитель пиитики пожелал иметь его у себя в классе, и мальчик вынужден был пропускать уроки греческого. Начав в дальнейшем изучать философию, Петр понял, что для ее усвоения нужен греческий язык. Грамматики этого языка у него не было, купить было не на что, поэтому он выпросил на время у товарища греческую грамматику на латинском языке, переписал ее и сам выучил этот язык.

В 1757 г., по окончании обучения, Петр был принят в Академию учителем пиитики и греческого языка. В 1761 г. он стал ректором Троицкой семинарии; в 1763 г. Екатерина II определила его придворным проповедником и законоучителем наследника российского престола великого князя Павла Петровича. С 1766 г. Петр — священноархимандрит (настоятель) Троице-Сергиевой лавры, член Святейшего Синода. В 1775 г. он занял пост архиепископа Московского, с 1775 г. — директора Славяно-латинской академии, которая при нем стала Славяно-греко-латинской. В 1811 г. из-за тяжелой болезни Петр был уволен от епархиальных дел до выздоровления³.

Петербургский чиновник, надворный советник *Иван Григорьевич Григорьев* (1738 — после 1802) родился в семье суздальского священника Московской губернии. «Отец мой был уроженец Суздальского уезда, сын села Тумы священника Якима Федотова, происходящего, как по запискам его значилось, от древней дворянской фамилии Пожарских; но непредвиденными случаями дворянских тогдашнего времени хитростей, а наиболее по фанатической ревности к вере предков его, во времена ли России смутная избег гонения, перешел из воинственного в духовное звание, именовался Григорий Святуха; потомки же его начали называться детьми Григорьевыми; а мать — того же города церкви святых апостол Петра и Павла диакона Петра Максимова Поморцева дочь, Дарья Петрова», — читаем мы в его мемуарах⁴.

«Записки» И. Г. Григорьева впервые были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1802 г. Из них мы узнаем, что в возрасте шести лет отец сам начал учить его азбуке, которую автор «скоро и выучил с похвалою моею прилежности. Но по

³ Рункевич С. Платон (П. Г. Левшин) // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.: Плавильщиков-Примо. С. 52.

⁴ Григорьев И. Г. Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. Детям моим (далее — «Записки») // Ляценок А. Записки И. Г. Григорьева. СПб., 1899. С. 12.

неимению в готовности других учебных книг, учение, а с ним и охота, к стыду моему, прервались. Ибо праздность и ребяческие игрушки больше ласкают малым детям, нежели полезное, соединенное с трудами учение». Примечательно, что в семье священника не оказалось вовремя учебного Часослова либо Букваря, а отношение ребенка к дальнейшему чтению ослабло. «Когда же прежде начатое учение продолжать стали, неохотность моя чрез леность, уклонение от оногo и вымышленныя отговорки очень ясно оказались»⁵.

Интересна история путешествия Ивана из Суздаля в Москву для зачисления на пономарскую вакансию. Она отражает действовавшую в те времена практику, когда родители старались заручиться поддержкой прихожан и определить сыновей на открывшиеся вакансии еще до окончания обучения грамоте: «...во время учения моего книги Часослова при означенной царя Константиновской церкви была пономарская вакансия, и прихожане, доброжелательствуя своему духовнику, а моему родителю, советовали просить бывшего тогда епархиального архиерея, епископа Симона, который в то время был членом в конторе Святейшего Синода и жил в Москве, об определении меня на упомянутую пономарскую вакансию. Итак, родитель мой принял сие намерение и, изготoвившись к пути, поехал со мною и с дядею моим, села Мордова священником, Иваном Федотовым, имевшим с собою сына Ивана для такой же надобности, как и мы, в Москву»⁶.

И. Г. Григорьев описывает саму процедуру решения вопроса о должности и свое крайне отрицательное отношение к возможности продолжения школьного обучения в Москве: «Окончив наш путь, приехали в город Москву, стали в доме одного из наших родственников, и по отдохновении от дорожных беспокойств, когда пришло время подать прошение архиерею, то по обыкновению должно было меня представить к нему для слушания в чтении книжном. Почему родитель мой, взяв меня с собою, поехал с извозчиком на роспусках, называемых ныне дрожками. На дороге извозчик из любопытства спросил: “Батюшка, куда вы везете мальчика?” На что он, шутя, сказал, что в школу. Я, это услышав, пришел в такой страх и бешенство, что не только ревел из всей силы, но рвался, чтоб уйти с роспусков; почему родитель мой принужден был держать меня, а я, как он мне сам сказывал, кусал ему руки, подобно собаке. Вот как ложное воображение действует в слабых детских умах с одного имени, — где полезные учения преподаются, — школы, к чему бы с ранним радением стремиться надлежало. И сколько чувствуемого мною тогда было от учения отвращения, то столько, или еще более потом, как стал я несколько различать полезное от вредного, о потере оногo драгоценного к научению времени имел и ныне еще имею сожаление; но уже минувшее время невозвратно»⁷.

Автор описывает и процедуру проверки знаний епархиальным архиереем, свое внутреннее состояние во время встречи с высшим должностным лицом епархии. Он пишет, что отец напомнил, «как должен я явиться пред лицо святого владыки; отчего вместо прежнего страха вселилось в меня любопытство, наполненное многими великолепными воображениями. Я чаял тогда увидеть святого

⁵ Григорьев. Записки. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 13.

владыку во всей их человеческой присвоенной духовным чинам славе, одетого златоткаными одеждами, со множеством предстоящих служителей. Но это было напрасно; когда я увидел его в монашеском нелепом одеянии, то по глупости моей, вместо, чтоб читать то, что я почти с месяц учил, глядя на него улыбался. Архиерей, заметив оное, сказал мне: “Не смейся, мальчик, читай!” И я, исполняя приказание его, прочитал то место из следованной Псалтири, которое учил, а именно молитву “Возведох очи мои горе, отнюдже придет помощь моя”. И по окончании таким образом слушания моего, как вышли из келии его вон, то как служители духовные святого владыки, то есть иподиаконы, из коих один нам был свой, также и отец мой спрашивали, чему я смеялся. На сей вопрос сказал я им следующее: “Говорили мне, что увижу архиерея, а он такой же, как и прочие, старец”. Сему они все довольно смеялись»⁸.

Примечательны, с одной стороны, теплота, непосредственность общения архиерея с испытуемым, а с другой — простота экзамена, заключающаяся в чтении наизусть заранее выученной молитвы. Сына суздальского священника поразило великолепие второй столицы: «После того был я, при помощи моего родителя, зрителем московских огромных строений, великого множества тамошних рядов и прочих примечания достойных мест, которые, в сравнении маленького нашего города, казались мне до бесконечности великолепными»⁹.

По возвращении домой автор продолжил обучение уже у частных лиц, причем купеческого звания. Поначалу его, вместе с двоюродным братом Петром, отдали для обучения русской грамоте и письму в Златоустовский приход к купцу Степану Кувшинникову, который шил рукавицы для продажи в лавке: «В продолжение учения делил я с братом Петром поровну как леность к учению, так и отбывание от оною к гулянью <...>. Вскоре брата Петра взяли домой, а я уже один окончил учение русской грамоте, также и писать»¹⁰. После недолгого обучения по совету одного из прихожан отец отдал Ивана для обучения партесному пению к купцу Исааку: «И когда я узнал тоны нот, бемоли и диезы, также по приобретенной в том привычке, мог уже с другими петь в хоре, то имел в их компании второго дисканта. А в 1750-м году в октябре месяце взят я бывшим в то время архиереем Порфирием Крайским, по представлению его иподиакона Ивана Семенова, нашего свойственника, в архиерейской дом и определен в певческий хор. В 1751-м году посвящен в стихарь»¹¹. Автор вспоминает и об обучении иконописи у иконописца Семена Носова: «Я уже приобрел привычку — по взгляду на образец — рисовать, смешивать краски и делать происходящее из того цветы или колера, а напоследок и сам собою писал несколько изображений, кои называются иконами...»¹². Из «Записок» мы также узнаем, что после смерти отца в 1754 г. Иван по приказу архиерея Порфирия учился в суздальской семинарии, в дальнейшем жил при архиерейском доме и занимался переплетом старых книг.

⁸ Григорьев. Записки. С. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же.

К сожалению, о годах обучения в семинарии автор умалчивает, не приводит никаких сведений.

Витебский губернский прокурор, коллежский советник *Гавриил Иванович Добрынин* (1752–1824) родился в семье священника в селе Радогож Севского уезда Белгородской губернии. Отец его умер через пять лет после рождения сына, поэтому начальным воспитанием мальчика занимался дед со стороны матери. Вот как пишет сам Г. И. Добрынин о начале его обучения: «Исполнилось мне шесть лет... велел мне дед положить три поклона перед иконою, и начал мне вступление в науку азбуку, по которой доучил меня до буквы “буки-аз-ба”. Говорят, что “доброе начало — половина дела”, и на сей-то половине кончил мой дед свой надо мной труд»¹³. Чтению и письму мальчика обучал дед-монах со стороны отца, живший в Севском Спасском монастыре: «Но не прерывая более собственной истории, скажу, что я, под опекою моего деда живя в сем подгородном монастыре почти три года, выучился не только читать, но и писцом уже у монахов прослыл»¹⁴.

Автор «Повествования» сообщает о поощрении его за такие успехи: «Архимандрит, будучи доволен чтением и пением моим в церкви, подарил мне с себя полукафтаны зеленые китайки, стеганые на бумаге, которое хотя мне и перешили, однако ж я много в нем похож был на самого архимандрита»¹⁵. В 1763 г. дед вместе с внуком был переведен в Радогожскую пустынь, где они прожили три года; внук, «посвящая все время на должность в церкви чтеца и певца, и, пользуясь праздностью, перебежал из монастыря в Радогож домой, а из дому обратно в монастырь». Иногда ездил «в столбовское духовное правление для помочи тамошнему канцеляристу писать духовные ведомости о бывших и небывших у исповеди, отправляемые ежегодно в Московскую консисторию, <...> учился у находящегося в Радогожской пустыни монаха Онуфрия петь “по ноте”»¹⁶. Ближайшая семинария, как пишет Г. И. Добрынин, находилась в пятистах верстах в Москве, народных училищ еще не было, «а университеты и гимназии не для нас, да правду сказать, мы с дедом ни о чем этаким, чего нет, и помышлять не могли». Поэтому в 1765 г. Гавриила отдали в контору графа П. Г. Чернышова для усовершенствования в письме.

В воспоминаниях раскрыт дальнейший путь сына сельского священника, получившего основы образования от дедов и в монастыре, совершенствования его умений в письме на гражданском поприще. В 1773 г. он был принят канцеляристом в Севскую духовную консисторию и продолжил службу уже в Белоруссии, где с 1777 г. трудился протоколистом в Могилевском наместничестве, а с 1778 г. — губернским секретарем. В 1782 г. автор мемуаров был назначен стряпчим в могилевскую верхнюю расправу и награжден чином коллежского секретаря; в 1788 г. определен стряпчим в могилевский верхний земской суд; в 1788 г. получил чин коллежского асессора; в 1795 г. стал могилевским губернским стряпчим. При

¹³ *Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 (далее — «Повествование») // Русская старина. 1871. Т. 3. № 2. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 130.

объединении двух губерний в одну Белорусскую с центром в Витебске в 1797 г. Г. И. Добрынин назначен комиссаром в витебский нижний земской суд. В 1800 г. стал советником главного суда 2-го департамента, награжден чином надворного советника; в 1807 г. произведен в коллежские советники; в 1814 г. назначен Витебским губернским прокурором¹⁷.

В отдельную группу можно выделить мемуары детей священников, обучавшихся в православных духовных школах на Украине, которые появились уже в XVI–XVII вв. под эгидой православных братств, создававшихся в различных городах Речи Посполитой, и наследовали традиции европейского богословского образования раннего Нового времени. Эти школы стали одним из первых проводников «западничества» в русской культуре рубежа XVII и XVIII вв., поскольку давали образование, в существенной степени ориентированное на стандарты католических и протестантских учебных заведений Европы. Из западноевропейской культуры пришел в Россию и термин «бурса», которым называли общежития при духовных училищах и сами эти училища. В средневековой Европе это слово, восходящее к греческому «мешок» или «кошелек», означало общежитие для бедных студентов богословия.

Поэт и переводчик греческих классиков, издатель ряда журналов *Иван Иванович Мартынов* (1771–1833) родился в местечке Первоначине Полтавской губернии в семье священника Николаевской церкви. Рано лишившись отца, он воспитывался матерью, которая в возрасте пяти лет отдала его учиться русской грамоте «по букварю, часослову и псалтыри» к писарю коменданта местной крепости. В 1780 г. на девятом году он вместе со старшим братом был отдан на обучение в Полтавскую семинарию, основанную в 1776 г. архиепископом Евгением, ректором ее стал иеромонах Никифор. В семинарию принимали мальчиков 6–14 лет, независимо от их общественного положения, причем на собранные пожертвования сначала приняли на содержание семь сирот. Курс обучения был рассчитан на 10 лет. Первыми были открыты классы латинской риторики, греческого, французского, немецкого языков, математики и рисования.

Братьев приняли на казенное содержание в бурсу, учрежденную при семинарии для бедных сирот. И. И. Мартынов сообщает, что охотно обучался всем предметам: латинской и российской грамматике, поэзии, риторике, философии, богословию, греческому и немецкому языкам, арифметике. За прилежное обучение получил награды: несколько серебряных рублевиков и книги — Новый Завет на греческом и латинском языках за успехи в греческом языке и «Баумейстерову» физику на русском языке за успехи в философии. Уже во время обучения в риторическом классе он начал бесплатно обучать сирот низших классов, живших с ним в бурсе, русской и латинской грамматике, поэзии и риторике. Впоследствии это позволило ему завести платных учеников, снять квартиру для жилья, куда приходили ученики или жили вместе с ним. Автор упоминает трех своих подопечных, ставших известными людьми: военного врача Исидора Моисеева, коллежского советника доктора медицины Г. П. Попова и доктора, стат-

¹⁷ Добрынин Гавриил Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Дабелов-Дядьковский. С. 489.

ского советника и ученого секретаря медицинского совета при Министерстве внутренних дел С. Ф. Гаевского.

В начале 1788 г. И. И. Мартынов начал преподавать греческий язык в семинарии, а в сентябре того же года был послан в Александро-Невскую семинарию в Петербург для подготовки в качестве преподавателя. Это был первый опыт духовного ведомства: собрать из всех семинарий по 2–3 студента для углубленного изучения курса наук и языков, с дальнейшей отправкой в свои семинарии учителями.

В 1795 г. Иван Иванович оставил духовное звание и поступил на службу в Коллегию иностранных дел. С 1797 г. он преподавал русскую словесность, историю и географию в Смольном институте, с 1798 г. — по совместительству те же предметы и во вновь открытом училище Св. Екатерины. Кроме преподавания занимался переводами. В 1801 г. И. И. Мартынов уволился из Смольного института и определился в Государственный совет письмоводителем. С января 1803 г. он — директор только что созданного департамента народного просвещения в составе Министерства народного просвещения¹⁸.

С 1804 г. И. И. Мартынов, сохранив прежние должности, стал ученым секретарем конференции педагогического института, а двумя месяцами позже — управляющим делами Главного правления училищ. Кроме того, И. И. Мартынов был правителем дел в Комитете по учреждению губернских военных училищ (1803–1804); осуществлял надзор за учебной частью Петербургского воспитательного дома (1807–1808). Он принимал деятельное участие в открытии Царскосельского лицея в 1811 г., был одним из авторов плана воспитания для учащихся губернских военных училищ; принимал участие в разработке уставов Дерптского, Московского, Казанского и Харьковского университетов, а также устава Демидовского высших наук училища. И. И. Мартынов был издателем четырех периодических журналов: «Муза» (с 1796 г.), на страницах которого печатались Г. Р. Державин, М. М. Сперанский и другие, «Северный вестник», «Лицей», «Меркурий». В 1816 г. закончилась его служба в Министерстве народного просвещения, а в 1817 г. он был уволен из педагогического института и с должности директора департамента народного просвещения, а также правителя дел Главного правления училищ. Последующие 16 лет жизни Мартынов занимался садоводством, ботаникой, переводил греческих классиков Эзопа, Софокла, Гомера, Геродота, Анакреона и других¹⁹.

Сенатор, пензенский губернатор, действительный тайный советник, литератор Федор Петрович Лубяновский (1777–1869) родился в селе Млине Зеньковского уезда Полтавской губернии в семье священника. Примечательно, что его отец, сельский священник Петр Федорович имел неплохое образование, знал латынь: он сам учил сына как русской, так и латинской грамоте, и учил, видимо, основательно. Понимая необходимость дальнейшего образования сына, он в 1787 г. отдал Федора в возрасте 10 лет учиться в Харьковский коллегийум. По

¹⁸ Мартынов Иван Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIIIа. СПб., 1896. С. 701.

¹⁹ Теплова В. А. Мартынов Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 273–276.

результатам экзаменов тот был принят сразу в 3-й класс — сказались результаты домашнего обучения и способности мальчика: «Учился я, говорили, не без успеха, с учителями и товарищами болтал по-латыни»²⁰.

Харьковский коллегиум был основан в 1721 г. в Белгороде и первоначально именовался «Славяно-греко-латинской школой». За основу были взяты западные коллегиумы — закрытые средние, реже высшие учебные заведения XVI–XVIII вв., открывавшиеся главным образом иезуитами. В 1726 г. он переведен в Харьков. Ввиду обучения в школе детей духовного и светского званий школа стала с 1734 г. именоваться коллегиумом по образцу Киево-Могилянского коллегиума, что обусловило сходство основных принципов управления и учебно-воспитательного процесса. Основоположниками Харьковского коллегиума были белгородский епископ Епифаний (Тихорский) и князь Михаил Голицын. Харьковский коллегиум стал вторым по значению после Киево-Могилянской академии учебным центром на Украине. Содержание его учебных программ было близко к программам Киево-Могилянской академии и Московского университета. В Харьковском коллегиуме преподавали пиитику, риторику, философию, богословие, греческий, латинский и русский языки. В 1765 г. были открыты дополнительные классы по обучению французскому и немецкому языкам, музыке, математике, геометрии, инженерному делу, артиллерии, геодезии, рисованию и строительству²¹.

В своих воспоминаниях Ф. П. Лубяновский высоко отзывается об этом учебном заведении и его руководителе: «Превосходное учебное заведение был Харьковский коллегиум, невзирая на все недостатки его, в сравнении с нынешним образованием семинарий и вообще всех духовных училищ. В мое время управлял им префект Шванский, муж равно почтенный по жизни и по учености. Был он особенно счастлив в выборе учителей: они имели редкий дар развивать в молодых людях здравый смысл и внушать им охоту, страсть к науке, не умирающую, когда возбудится». Автор упоминает и такую деталь, характеризующую нелегкий быт учеников: коллегиум располагался в большом каменном здании, аудитории не имели печей, не отапливались, и «зимою от стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали»²².

В 1793 г. Лубяновский поступил в Московский университет, по окончании которого определился на военную службу адъютантом к генерал-аншефу князю Н. В. Репнину. В 1799 г. он был отставлен от военной службы и уехал за границу, сопровождая княгиню Лобанову-Ростовскую в ее путешествии по Европе. В 1802 г. возвратился в Россию и получил должность секретаря в канцелярии Министра внутренних дел под непосредственным начальством М. М. Сперанского. В 1809 г. Лубяновский получил новое назначение — статс-секретаря и управляющего делами принца Георгия Ольденбургского в Твери; в этом же году произведен в действительные статские советники. В 1810 г. из-за конфликта с великой княгиней Екатериной Павловной был уволен в отставку в чине действительного

²⁰ Лубяновский Ф. П. Воспоминания // Русский архив. 1872. Т. 1. Вып. 1. С. 10–13.

²¹ Коллегиум (Харьковский) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. СПб., 1895. С. 694–695.

²² Лубяновский. Воспоминания. С. 10–13.

тельного статского советника и переселился в Москву. Здесь Лубяновский много занимался переводческой деятельностью: перевел на русский язык роман французского писателя Ф. Фенелона «Приключения Телемака», изданный в Москве в 1797–1800 гг.; романы И. Г. Юнга-Штиллинга «Тоска по отчизне» и «Феобальд, или Мечтатели» (Москва, 1819). Литературную известность ему принесла книга «Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 гг.» в трех частях, которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1805 г. В 1819 г. Ф. П. Лубяновский занял должность пензенского губернатора. В его губернаторство было открыто первое в России училище садоводства и обустроен общественный парк²³. Получение хорошего образования позволило Лубяновскому, сыну сельского священника, проявить себя и достичь успехов на гражданском поприще.

Профессор Санкт-Петербургского университета *Яков Васильевич Толмачев* (1779–1873) родился в слободе Липцы Харьковской губернии в семье причетника-дьячка. В «Автобиографической записке» он сообщает, что его дед дворянин вступил в духовное звание и стал священником. В четыре года автор начал учиться грамоте, «в пять или шесть лет я знал уже на память весь почти Часослов и Псалтыри, которыми в тогдешнее время, по большей части, начиналось и оканчивалось нередко воспитание детей»²⁴. Воспоминания Я. В. Толмачева очень ярко характеризуют нелегкое детство детей сельского духовенства, вынужденных заниматься тяжелым физическим трудом, помогая семье. С семилетнего возраста Яков ходил наниматься в работники: летом полол сорняки на бахче, получая по 6 коп. в день, которые отдавал матери. В 1789 г. отец его из дьячков был посвящен в священники в соседнее бедное село Борщево. Отец начал возделывать свою часть церковного поля, «вместе с ним и я начал трудиться: пахать, косить, молотить, жать и т. д.». По словам автора мемуаров, физический труд укрепил его тело и приучил к терпению: «случалось нередко, что я целый день в зимнее время, в одной рубашке, стоя в снегу по колени, в лаптях своей работы, рубил дрова в лесу и не знал никакой простуды; а в летнее время, окопав полусгнившие пни дубовых деревьев и взвалив их на себя, сносил их с горы домой»²⁵. В воскресные и праздничные дни Яков читал и пел на клиросе и «лазил нередко звонить в колокольню».

По предписанию духовного начальства в 1793 г., на 14-м году жизни, Якова отдали учиться в Харьковский коллегиум. В первый год он жил на квартире, «на отцовском крайне бедном содержании», под надзором студента философии Тишинского, «который остался памятен мне тем, что всегда сердился, когда я составлял маленькие тетрадки и вписывал в них латинские слова и фразы. Тетрадки мои он иногда с негодованием рвал и бросал в огонь»²⁶. Через год за успехи в обучении Яков был переведен на казенное содержание, включен в число бедных учеников, живших в бурсе.

²³ Попов М. Лубяновский Федор Петрович // Русский биографический словарь. Спб., 1914. Т. X. С. 710.

²⁴ Толмачев Я. В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. № 9. С. 699.

²⁵ Там же. С. 700–701.

²⁶ Там же. С. 701.

Толмачев ярко описал помещение бурсы и бытовые условия, в которых приходилось жить ученикам: одноэтажное каменное строение, «ни внутри, ни снаружи не беленое». Бурса «имела два поперечных коридора, в которых по правую и по левую сторону было по две обширных комнаты». Ученики размещались в этих четырех комнатах, число их достигало 60 и более. Кроватей в бурсе не было, учащиеся старших классов спали на лавках, а младшие — на полу. Зимой комнаты не отапливались, и старшие ученики ночами ходили на реку снимать мостовицы, которые использовали в качестве дров.

Автор отмечает скудость содержания и питания воспитанников: «Начальство не давало им ни белья, ни одежды, ни обуви. Они ходили во всем своем одеянии, и летом и зимою по большей части в одной и той же одежде»²⁷. На обед давали постные щи, ржаной хлеб и сухари, на ужин — гречневые галушки. Вставали бурсаки каждый день в шесть утра и шли на учебу в коллегиум, который находился на расстоянии версты. Зимой приходилось выходить ночью. В коллегиуме не было ни одной печи, поэтому чернила замерзали и ученики были вынуждены греть их за пазухой.

Я. В. Толмачев приводит интересные сведения и о программе, процессе ее овладения. За первые три года он успешно освоил латинский и греческий языки, начал даже давать платные уроки своим сверстникам, за что получал рубль или два в год. Четвертый год обучения в коллегиуме был посвящен изучению риторики, обучение проходило по латинским книгам. Чтению русских книг уделяли мало внимания, поскольку книжных лавок в Харькове не было. В описании подготовки домашнего задания ярко отражена нелегкая жизнь автора, ученика из бедной семьи, имевшего самый скудный набор собственного имущества: «сидя в уголке на лавке, закрывшись занавескою, учил латинские слова из Геслерова лексикона. <...> Просидев за полночь при тусклой свече, поставленной на крышку сундучка, вследствие неимения подсвечника, засыпал сидя, а догоревшая свеча портила крышку сундучка, а иногда и близь лежавшие вещи»²⁸.

С 1799 г. по указу Синода начальство духовных семинарий каждые два года должно было посылать в академию по два ученика для подготовки из них преподавателей семинарий. Я. В. Толмачев попал в число таких учеников и был отправлен в Киевскую академию для продолжения обучения наукам. В 1803 г. он вернулся в Харьков и занял место учителя пиитики, математики, греческого, латинского и французского языков в коллегиуме. Известно, что автор содержал небольшой пансион, в котором после основной работы в коллегиуме обучал дворянских детей. В 1806 г. он был переведен на должность учителя риторики высших классов. В 1809 г. Толмачев был приглашен в семинарию Невского монастыря в Санкт-Петербурге преподавателем русской словесности и математики. В 1816 г. он вел русскую словесность в педагогическом институте. В свободное время преподавал этот предмет детям в знатных дворянских семьях: Строгоновых, Волконских, Бибиковых, Васильчиковых. В 1819 г. педагогический институт был преобразован в университет, а в 1820 г. Толмачев занял пост инспектора в

²⁷ Толмачев. Автобиографическая записка. С. 703.

²⁸ Там же.

благородном университетском пансионе²⁹. Как и авторы других воспоминаний, благодаря настойчивому овладению знаниями Толмачев много добился в жизни и смог написать интересные воспоминания, которые стали для нас источниками ценных сведений о далеком прошлом.

Подведем итог. Мемуаров, написанных выходцами из духовного сословия и содержащих информацию о получении ими семейного или школьного образования, очень мало, всего шесть из сотни выявленных. Все авторы этих мемуаров выросли в семьях сельских священников или дьячков центральной России или Украины. Их воспоминания подтверждают типичное явление российской действительности XVIII столетия: практику обучения этих детей началам грамоты в семье или в малых частных школах, действовавших неподалеку от дома. Причем в отличие от дворян, нередко начинавших учиться грамоте в сравнительно позднем возрасте, дети, принадлежавшие к духовному сословию, начинали обучаться с 5–6 лет. Мы имеем пример неплохого знания латыни и сельским священником, способным обучить сына ее основам так, что его приняли в среднее учебное заведение сразу в 3-й класс. Примечательно, что пять из шести авторов воспоминаний продолжили свое обучение в семинариях, коллегииуме, Славяно-греко-латинской академии, Московском университете и информация об этом обучении ярко отражает сложные условия, в которых им приходилось овладевать знаниями.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII в., домашнее обучение, мемуары, духовенство, Славяно-греко-латинская академия, Полтавская семинария, Харьковский коллегиум.

MEMOIRS ABOUT TEACHING CHILDREN OF THE CLERGY IN RUSSIA IN XVIII CENTURY

A. EMEL'YANOVA

The article deals with the education of children of the clergy in Russia XVIII century based on the memoirs. Of the 100 memoirs we analyzed only 6 there is information about it. This memoir: Metropolitan Platon, court counselor I. G. Grigorieva, a provincial prosecutor G. I. Dobrynin, poet and translator I. I. Martynov, senator, F. P. Lubyanovskogo, professor of St. Petersburg University Y. Tolmachev. This article gives a brief biographical note for each author. All authors have a family of priests or deacons rural central Russia and Ukraine. As a rule, a basic knowledge of children received from their fathers or other relatives, and then were given training in religious schools.

²⁹ *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М., 2011. С. 286–289.

Describes the process of learning, conditions and methods in the Slavonic-Greek-Latin Academy, Poltava Seminary and the Kharkov Collegium in the eighteenth century. It is noteworthy that 5 of the 6 authors memories continued their studies in the Seminary, College, Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow University and information about this training reflects the difficult conditions in which they had to acquire knowledge.

Using memoirs allows us to see the learning process through the eyes of students, the specifics of obtaining basic knowledge at home and continuing training for children in religious schools. Briefly analyzes the composition of objects, and methods of teaching, to reflect on the pages of memories.

Keywords: The Russian Empire, XVIII century, home education, memoirs, the clergy, the Slavic-Greek-Latin Academy, Poltava Seminary, Kharkiv Collegium.

Список литературы

1. *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М., 2011.
2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. СПб., 1874.
3. *Григорьев И. Г.* Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. Детям моим // *Лященко А.* Записки И. Г. Григорьева. СПб., 1899. С. 11–18.
4. *Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // *Русская старина.* 1871. № 2. С. 119–160.
5. *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.
6. Коллегиум (Харьковский) // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XVа. СПб., 1895. С. 694–695.
7. *Лубяновский Ф. П.* Воспоминания // *Русский архив.* 1872. Вып. 1. С. 55–99.
8. Мартынов Иван Иванович // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XVIIIа. СПб., 1896. С. 701.
9. *Миропольский С. И.* Очерк истории церковноприходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1–3. СПб., 1894–1895.
10. Автобиография Платона, митрополита Московского. М., 1887.
11. *Попов М.* Лубяновский Федор Петрович // *Русский биографический словарь.* Спб., 1914. Т.: Лабзина-Лященко. С. 710.
12. *Рункевич С.* Платон (П. Г. Левшин) // *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т.: Плавильщиков-Примо. С. 49–54.
13. *Теплова В. А.* Мартынов Иван Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 273–276.
14. *Толмачев Я. В.* Автобиографическая записка // *Русская старина.* 1892. № 9. С. 699–724.
15. *Феодоровский Д.* Очерк истории Харьковского духовного коллегиума // *Духовная беседа.* 1863. Т. XVIII. С. 169–202.
16. *Чистович И. А.* История С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1857.
17. Добрынин Гавриил Иванович // *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т.: Дабелов-Дядьковский. С. 485.